

Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **В. БАГРИШКОГО** **А. БОЛОТНИКОВА,**
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО,
М. СУБОЦКОГО И СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧ

№ 58 (374)

10 МАЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ПОВЕСТЬ О КАПИТАНЕ КОПЕЙКИНЕ, или ЧЕХОВ в БСЭ

Приближается целый ряд юбилейных чеховских дат: 30-летие смерти Антона Павловича, 50-летие выхода в свет его первого сборника рассказов, затем — 75-летие рождения. При том интересе, который существует у нас к творчеству и личности Чехова, можно не сомневаться, что названные юбилеи вызовут отклик и в центральной и в местной прессе.

Излишне подчеркивать, в какой мере важно при таких обстоятельствах, чтобы под рукой у литературных работников, которые пишут и будут писать о Чехове, находился справочник непререкаемого характера.

За справочником такого рода недалеко ходить. Это энциклопедический словарь. Недаром для создания его мобилизуется все, что может дать наука и культура данной страны, все, что есть лучшего в области научной мысли и техники, недаром здесь создается целая иерархия редакторских этажей, друг друга контролирующих, проверяющих, исправляющих и дополняющих. Ведь ошибка в энциклопедическом словаре — это то же самое, что ошибка в таблице логарифмов для инженера, что неисправность в компасе для капитана корабля: ее последствия неисчислимы, «потомство» каждой ошибки в словаре невообразимо велико.

Неудивительно поэтому, что редакция Большой советской энциклопедии поручила написать статью о Чехове не одному, а целым четверым авторам. Вот их имена: В. Гебель, М. Гольберг, Л. Каган и Л. Цукерман.

Придирчивый рецензент работы названных авторов, напечатанной в только что вышедшем 61-м томе словаря, быть может, упрекнет их за вялую туманность их статьи, за ее бессодержательность, за банальность ее положений, наконец, за то, что в большой справочной статье о реформаторе стиля русской литературы, о великом мастере языка — буквально ни слова не сказано о Чехове-стилистe. Но мы не будем придирчивы и обратимся к вещам более элементарным, к тем фактическим данным, которые заключаются в работе четырех авторов.

Начнем с первой же строчки: «Чехов Антон Павлович (17 (4) янв. 1860—15(2) июля 1904)». Если, руководствуясь этой датой, советские газеты поместят 17 января

1935 г. статьи по случаю 75-летия рождения писателя, они упредят событие ровно на 12 дней, потому что Чехов родился не «17(4) января», а «29(17) января», умер же так, как показано в словаре.

Если за сведениями о литературном дебюте Чехова кто-нибудь (допустим, работник провинциальной прессы) обратится к статье четырех авторов, то найдет он здесь такое указание: «От карикатурной фигуры отставного поручика Василия Семи-Булатова («Письмо к ученому», 1880—первый напечатанный Чеховым рассказ) через все творчество Ч. тянется вереница скучно, претенциозно и пошло философствующих бездарностей». Хорошо, если этот «кто-нибудь» не имеет под рукой собрания сочинений Чехова, но если он имеет и пожелает освежить в памяти чеховский дебют, то велико будет его замешательство, ибо вместо рассказа «Письмо к ученому», написанного отставным поручиком Василием Семи-Булатовым, он найдет совершенно иное: «Письмо донского помещика Степана Владимировича N к ученому соседу д-ру Фридриху», и никто в целом свете ему не объяснит, за какие заслуги «отставной урядник» произведен авторами статьи энциклопедического словаря в «отставного поручика» и, с другой стороны, за какие провинности этот отставной урядник лишен своего христианского имени Степана Владимировича и переименован в Василия Семи-Булатова.

От лица этого предполагаемого сотрудника какой-нибудь провинциальной газеты, занятого составлением заказанной ему юбилейной статьи о Чехове, будем продолжать по энциклопедическому словарю обогащать наши сведения о знаменитом писателе. Как ни мала та статья, которая ему заказана, он не может в ней обойти молчанием самый значительный факт из политико-общественной биографии Антона Павловича: сложения им с себя звания почетного академика в виде протеста против кассирования по приказу пары избрания в почетные академики М. Горького. Газетный работник пожелает быть точным, — он не халтурщик, он честный журналист, — он захочет указать, когда именно произошло это событие. Словарь дает ему справку: «В декабре 1900 г. в связи с отменой царем избрания в академики Горького Ч. вместе с В. Г.

Короленко отказался от звания академика». А немного погодя внимательный корректор газеты в смущении будет стоять перед ним с гранками и, стараясь как-нибудь не задеть его самолюбия, не дать ему понять, что он считает его невежественным, но развязным «нагонятелем строк», попросит внести поправочку, потому что в десятках биографий Чехова, которые ему приходилось читать, во всех совершенно согласно указано, что, во-первых, ни Чехов, ни Короленко, ни Горький «академиками» не были, а были особого рода «почетными академиками», — различие, всю характерность которого Чехов отмечал в своих письмах, — главное же в том, что в декабре 1900 г. у него никаких сношений с академией не было: избрание его в почетные академики состоялось 8 января 1900 г., а сложил он с себя это звание тоже не в декабре и не в 1900 г., а 25 августа 1902 г.

Несомненно, злополучный автор газетной статьи обязан будет отметить и важнейший литературно-общественный момент чеховской биографии, — разрыв писателя с газетой «Новое время». На этот счет он тоже найдет в словаре нужную справку: «В начале 90-х годов писатель сблизился с либеральной прессой и стал постепенно отходить от «Нового времени», с которым порвал в 1898 г. окончательно в связи с делом Дрейфуса». Но тот же назойливый корректор укажет, что в письме Чехова к брату Александру, относящемся еще к 1893 г., ему довелось прочесть следующий отзыв Чехова о редакции «Нового времени» и сотрудниках этой газеты: «Какие бы то ни было отношения с ними мне совсем не улыбаются... по убеждениям своим я стою на 7375 верст от Жителя и К°. Как публицисты они мне просто гадки».

«Неужто, — спросит себя озадаченный этим указанием автор статьи, — Чехов мог после такого отзыва о «Новом времени» продолжать в нем сотрудничать еще целых пять лет, до 1898 г.? Не может быть! Да, наконец, словарь...»

Но настойчивый корректор предостережет его из своей тощей библиотечки любителя и столь распространенную книгу, как письма Чехова, или какой-нибудь справочник об органах прессы, где печатался Чехов, — они тоже не представляют собою библиографической редкости. И из них он

убедится, что после 1893 г. Чехов навсегда порвал с «Новым временем» и ни строчки туда не давал.

— Но я отлично помню, — будет настаивать замученный словарем автор, — что и насчет Дрейфуса что-то такое было.

— Точно, было, — возразит корректор, — и именно в 1898 г. Были резкие письма Чехова к Суворину по поводу дела Дрейфуса, произошло охлаждение в их отношениях, — что было, то было. Но и после 1898 г. и дела Дрейфуса Чехов с Сувориным не «порвал окончательно», а переписывался до самой смерти. С «Новым временем» же порвал и именно окончательно, но не в 1898 г., а пятью годами ранее, и не в связи с делом Дрейфуса.

Как ни было велико до этого доверие автора к словарю, оно, наконец, не может не поколебаться под сокрушительными ударами корректора, и он решит, прежде чем пользоваться словарем, проверить наперед и остальные указания статьи четырех специалистов по Чехову. Вооружившись XII т. гихловского собрания сочинений Чехова и сличив заключающиеся в нем сведения о произведениях этого классика с данными словарной статьи, он обнаружит, что «Иванов» написан не в 1888 г., как утверждают Гебель, Гольберг, Каган и Цукерман, а в 1887 г. и в этом же году был уже поставлен на сцене; что «Дядя Ваня» написан не в 1899 г., а в 1896 г., причем в 1897 г. пьеса эта уже появилась в печати; что «В овраге» написано не в 1890 г., а в 1900 г.

С уже поколебленным доверием к Гебелю, Гольбергу, Кагану и Цукерману наш автор критически взглянет и на другие элементы их статьи. Он найдет несколько странным, например, такое обстоятельство: если бы «Дядя Ваня», написанный в 1896 г., был даже написан, как ими указано, в 1899 г., то все-таки создание пьесы остается в рамках 90-х годов, что так или иначе должно было отразиться на ее характере. Между тем «четверка» пишет: «Пьесы «Дядя Ваня» и «Три сестры» варьируют... тему задыхающегося в затхлой атмосфере бездорожья интеллигента... Но наряду с этим в обеих пьесах звучат и другие мотивы, отчасти навеянные общественным подъемом 900-х годов». Таким образом, эти мотивы подъема 900-х годов, веющие уже в 90-х, вполне достойны ока-

жутся тех бравых пожарных, которые являются на пожар за полчаса до его возникновения.

Однако шутки в сторону. В конце концов я чувствую всю их неуместность в данном случае, потому что если для статьи четырех авторов взятой изолированно, насмешливая шутка является единственно подходящей формой отзыва, то для того места, куда она попала, требуется тон и стиль самый серьезный. 61-й том БСЭ отпечатан в количестве 61 000 экз. Сколько сотен тысяч, сколько миллионов читателей будут им пользоваться? Среди них будут и такие, которые увидят, что вместо квинтэссенции того, что можно и следует сказать о Чехове (чем по существу и должна быть словарная статья), им преподнесли развязную и невежественную чепуху. В глазах этих читателей неизбежно будет скомпрометирован престиж такого первоклассного литературного предприятия, как БСЭ. Другой разряд читателей — те, которые примут на веру сообщенные им о великом писателе сведения. Их представление о Чехове, о его жизни и творчестве, получится искаженное.

Совершенно невозможно понять, какими материалами пользовались авторы этой статьи, откуда добыли они свои данные. Из какого источника могли они заимствовать всю ту путаницу, которая составляет фактический арсенал их статьи? Я не знаю такого источника. В одной книге о Чехове есть такая ошибка, в другой — другая, но чтобы из всех существующих книг собрать все расхождения в них ошибки, «прифантазировать» еще кучу своих и затем все это поместить в энциклопедический словарь, — это вещь неслыханная! Наконец, ведь авторов целых четверо, — неужто ни один из них ни разу не проделал легчайшей работы проверки данных статьи по любой распространенной книге, хотя бы по тому же XII т. гихловского издания? Наконец, есть ведь и редакторы подотделов, и редакторы отделов, — читают они статьи или только подписывают к печати?

Как бы ни было, а БСЭ должна что-то сделать, чтобы, во-первых, дать в исправленном виде чеховскую биографию и, во-вторых, сделать впредь невозможным повторение подобных скандалов.

А. ДЕРМАН.